

Встреча для вас/

Времена Маджаров

Известная творческая династия продолжается

Как-то замученный деловыми встречами и полузадешнанным ворохом деловых бумаг бизнесмен средней руки поведал с некоторым недоумением: «Знаешь, купил по совету картину Маджара. Ничего вроде особенного — букет одуванчиков. Повесил на стену. Прихожу домой вечером, сажусь напротив и гляжу, гляжу, гляжу — как слегка помешанный, не отрываясь. И уходит усталость-то». Искусстводел — искусствоведово. Скажи лишь, многим Сергеем Маджаром представляется, пожалуй, самым загадочным уфимским художником. Предметы повседневного быта, наполнившие пространство его картин, начинают дышать, жить собой, отделенной от автора жизнью. Ты смотришь на полотно, а там отлетает, как легчайший пух, лепесток нежно увидавшей черемухи. Терпко пахнут утыканые крепкими семечками яркие, как маки на снегу, ягоды спелой клубники. Солнечно-светлые ежики золотых шаров колышутся под последним дыханием еще теплого августовского ветерка. И, тихо шурша, сползает и никак не упадет на пол просторченный стихотворной очередью свиток. Впрочем, есть еще графические работы художника. Есть теплая, от впитавшей солнечный свет глины, керамика: это когда дочка Полина пожелала «глинчатир» — восхитительное сочетание «глины» и «гончар», придуманное еще маленьким тогда творческим отприском. К слову, ныне Полина не только «глинчатир»: в читальном зале уфимской модельной библиотеки № 35 прошла персональная выставка ее творческих работ — иллюстрации, натюрморты, портреты, пейзажи. Династия, однако.

Елена ШАРОВА

Родом из XII века

— Сергей Владимирович, откуда пошли в Башкирии

ный, ничего, кроме рисования, знать не хочу, все из-за меня переживают. Я и высказал нечто такое... Роды в кипятке потом

Ключевое слово в том, что я делаю, — это любовь. // Фото Альберта ЗАГИРОВА.

Благодаря таким мастерам, он, можно сказать, пифразируя известного певца Райкина, рисовать —

запас, Маджары — это старое городище, точнее, уже руины города на Северном Кавказе в Ставропольском крае. В XII веке хан Батый организовал очередной завоевательный поход. А попутно забирал с собой пленников, выбирал всякого рода ремесленников, горничных, золотых дел мастеров. Он привел их на Кавказ и приказал построить, можно сказать, такой город мастеров. Состоял он из двух частей: в верхней жили золотоординцы, в нижней — разношерстный народ с золотыми рукаами. Подозреваю, однако, что маджары больше связанны с мадьярами — венграми. Они предки с обеих сторон были горячами. Я точно понял, что, родом — из этого города.

— И вас потянуло на художественное?

— Обо всем этом я узнал позже. В девятом классе мне было уже невыносимо. Я подал документы в педучилище № 2 на худграфа. Художкия не кончал. И даже гипс пришлось «осваивать» таким образом: я пошел к Комсомольскому озеру в Деме (его сейчас затопили и сделали стравленную культурную зону), накопал полмешка глины. Принес к себе домой, на чердак: это была моя первая мастерская.

Слепил из нее, глядя на репинский рисунок, голову, отформировал и стал готовиться. И не поступил. На следующий год пошел уже в пединститут. На втором курсе нас возили как отличников в Москву. Мне довелось побывать на выставке в Манеже, где экспонировались декорации к фильму «Легенда о Тиле». Стоял домик, где жил Тиль. И я заглянул в окно к Уленшильгелю. Видимо, там и захотела у меня мысль делать дипломную работу по Тиле.

Вообще-то в семье нашей рисовал папа, но трезвый ум у него вобладал над сомнительным увлечением, и он стал геологом. В семье у нас в основном все техники, даже женщины. Это я паршивая овца в стаде. Активно рисовал всегда, но особенно — в седьмом классе. Это было время первой любви, пеплой молитвы пер-

«Пейзаж с пастушком и замком». // Пересъемка Сергея МАДЖАРА.

читай!». А я ведь, в общем-то, первым встреченным для него был тогда. И вот весь первый курс я сидел в бинокли засыпал. И лишь потом узнал, что Фанни Акрамова весь этот год Юру пилила: «Где Бенуа? Куда ты его дела?»

— К слову, он был вашим сокурсником. И каким же?

— Нас с ним, первым человеком, с которым я познакомился на худграфе, приглашали на отработку, еще когда даже зачески не было. Дали в руки валики — планировался ремонт.

Художники начинаются с валиков!

— Нет, у нас была поговорка: бери лом — рисуй канаву. Поплыли мы отработали. Он уже тогда был какой-то весь в себе, немного замкнутый. Я-то просто красил, а Юра гордо говорил, водя валиком по стенам: «Я — Альфред Сикейрос!». В обед он меня пригласил домой. Мы победали, а потом прошли в святынях мамы — в библиотеку. И как раз там лежала книга Александра Бенуа «История живописи всех времен и народов» 1911 года издания, открытая страница с гравюрой Дюрера «Блудный сын». Это была книга с иллюстрациями тех великих мастеров, которых мы и поньне ставим на пьедестал. К слову, по прошествии лет могли предположить, что тому же Боттичелли у нас на просмотре «двойку» поставили: Венера, например, изображена у него с несколько искаженными пропорциями. И я прихожу к выводу, что именно эти искашения и создают самую прелест в их творчестве. Так что черезсур усердное следование пластической анатомии, которой обучаются будущие художники, возможно, не всегда приводит к таким прискорбным результатам, как у Боттичелли. Вот Бенуа... И я

читаю: «А почему тогда подались

именно в пединститут, не в

училище искусств, например? —

— В девятом классе, укрепившись в желании стать художником, я ходил либо в лес с этюдником, либо уж если в школу — то развлекаться. И до того дошел, что, заходя в класс, сразу клал на стол учительнице дневник — помните, туда все художества записывались к све-

тим. Однажды подруги ко мне наши отличники с просьбой: тебе, дескать, терять все равно нечего, а завтра контрольная — мы не готовы. Сорви, пожалуйста, «Где Бенуа? Куда ты его дела?»

Сидел я на последней парте с

другом Сережей Ляминым — у

него был свободный художник,

то преподавал. И когда у меня

случались педагогические на-

пряди, я всегда вспоминаю Эллочку.

А в училище искусств, кстати, с моим троичным атте-

стом и конкурсом в 14-лет-

веке дорога мне была закана-

зана. Однажды подруги ко мне

запросили: «А почему тогда поставили

две пятерки?». Я сидел в каби-

нете, смотрел в окно, и вдруг

вспомнил, что я-то виноват.

Он попел как-то, медленно,

крайними помахивает. Потом его

был для меня судьбоносным.

Облеть вокруг нашей красавицы Эллочки и удачно приземлился — прямо в декольте. Я по-

думал, а не пойти ли в авиаци-

онный. И я вдруг увидел, что

это неизвестно отека. Есть

илюстрации, сравнимые с наглядным

пособием, буквальные, создан-

ные, можно сказать, как анти-

рак, или вообще глупые, напи-

саные для пятна.

У нас любят приключе-

ния арлекин: реалист, аб-

стракционист, импресси-

онист. Как вы сами себя пози-

ционируете?

— Во всяком случае, не на-

туралist. Когда я еще школьни-

ком мучился над ветоцами си-

ренни, уже тогда ловил себя на

мысли, что хочу рисовать что-

нибудь не из рая вон выходя-

щее, а обычное. Тут еще надо

аккуратнее и с терминами обходи-

ться. Реализм можно назы-

вать и то, что художник нико-

гда не видел, кроме как в своем

воображении. Но оно для него

реально. Все, что он делает, —

реализм. Для меня дядя Мале-

вич — и тот реалист. Писатель

Михаил Веллер приводит в

своей книге слова одного искус-

ства: «Черный квадрат»

устроил так, что все наше иску-

ство в этот квадрат и ухнуло.

Но несмотря на простоту

того, что я пишу, я никогда не

работаю только ради фиксации

какого-то момента. Мне не все

равно, какую ветку поставить,

фрукт положить. Они должны

рождаться какие-то ассоциации.

Прежде картина рождается

внутри меня. Взять абстрактно

какой-то букет и сделать его с

холодным сердцем — у меня так

не получается. Натюрморт с вет-

ками дуба — это посвящение

друзьям моего детства. У нас

было любимое место, куда мы

ходили на рыбалку на Дему. На-

звалась она «салаг» — и было

очень на него похоже. Нынче тех

людей, с которыми я рыбачил,

уж нет на свете. Пришел я туда

однажды один. И мне было так

грустно: тропинки все заросли,